

Г. М. ГАНЧАР

Кто такой барон Врангель

<Фрагмент>

Врангель усвоил достаточно твердо: кроме знатного происхождения, всего остального в жизни необходимо было достигать самому. Этому принципу барон следовал всегда. Учеба в Ростовском реальном училище, а затем в Петербургском Горном институте, на наш взгляд, дала Врангелю единственное приобретение — высшее образование и возможность окунуться в великосветскую жизнь Северной столицы. По своей природе Петр Николаевич, будучи натурой исключительно честолюбивой и деятельной (что подтверждается всей его последующей жизнью) не мог быть удовлетворенным карьерой гражданского служащего.

Отправной точкой в окончательном определении сферы своей деятельности, как показывает анализ, стала обязательная воинская повинность вольноопределяющимся I разряда в лейб-гвардии Конном полку (сентябрь 1901 г.)¹. Получение первого офицерского чина и служба в одной из элитных гвардейских кавалерийских частей содействовали его выбору в пользу военной карьеры. «Делать карьеру» в армии, причем исключительно в гвардии или кавалерии, стало для Врангеля и реальностью и необходимостью. На наш взгляд, этот выбор был не случайным. С одной стороны, барону в немалой степени помогали советы окружающих, а с другой — пытливый, аналитический ум доказывал несомненные преимущества военной службы над гражданской². Быть в общественной иерархии ниже, чем представляется возможным, — такой принцип собственного бытия Врангеля не устраивал.

Участие в Русско-японской войне, на которую Петр Николаевич ушел добровольцем, в I мировой, заслуженные награды и приобретенный боевой опыт окончательно формируют профессионального военного.

Вместе с тем имеющиеся в распоряжении автора сведения показывают, что Врангель начал офицерскую службу в неблагоприятной обстановке. Например, его офицерскому становлению существенно

мешало то, что и в жизни первичных офицерских коллективов имели место явления духовного и материального порядка, влиявшие противоречиво, в большей степени отрицательно на военно-профессиональный уровень и нравственный облик своих членов.

Неправильно, на наш взгляд, было бы отрицать облагораживающее влияние на офицеров безраздельного господства в их менталитете культа офицерской чести. Так, в офицерской среде установилось презрение к угодничеству и к тем офицерам, что переходили на службу в корпус жандармов*. Однако утверждение культа чести происходило не только путем воспитания, но и организационными средствами. Если офицер, к примеру, подвергнется оскорблению или избиению, то он обязан немедленно подать в отставку. Об этом рассказал, в частности, в своем дневнике за 1897 год бывший адъютант вел. кн. Константина Николаевича ген. Киреев³. Он писал, что два офицера лейб-гвардии Гренадерского полка, будучи пьяными, устроили дебош в трактире, в результате чего были сами избиты. «Офицеров, конечно, уволили в отставку»**. Подобная жесткая практика держала офицеров в напряжении.

Содействовало укреплению отчужденности офицеров от гражданского общества и практика запрета офицеру вступать в брак до 23 лет, а также женитьба на еврейских женщинах, если избранница не пожелает принять христианство. Подобное приносило офицерам нравственные страдания. Такая практика способствовала и страстному желанию многих офицеров жениться на титулованной особе. Это хорошо подметил публицист тех времен П. Пильский, писавший, что женитьба офицера на женщине знатного рода увеличивала к нему уважение среди сослуживцев, а женитьба же на простолюдинке «могла пачкать честь мундира»***. Это уникальное явление среди офицерства парадоксальным образом уживалось с презрением к штатским.

Как показывает анализ, Петр Врангель, будучи человеком прагматичным и дальновидным, не мог не учитывать всех этих реалий окружающей его среды. Наглядная иллюстрация тому — удачный брак барона с фрейлиной, дочерью камергера Высочайшего Двора Ольгой Михайловной Иваненко****.

На наш взгляд, характеризуя микросреду бытия Петра Николаевича Врангеля, следует особо подчеркнуть тот факт, что он, обладая яркой индивидуальностью, высокой образованностью, не мог не вы-

* См.: *Короленко В. Г.* История моего современника // Собр. соч. М., 1954. Т. 6. С. 193.

** Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР. РГБ), Ф. Киреева. К. 12. Л. 166.

*** *Пильский П.* Армия и общество // Мир Божий. 1906. № 7. С. 206–207.

**** РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 48871.

деляться в офицерской среде, которая в большинстве своем, особенно в дальних гарнизонах, была представлена довольно посредственными личностями, которых напрочь засасывали условия армейской жизни*. Этот «фон» исподволь делал из Врангеля натуру неординарную и противоречивую, не вписывающуюся в общепринятые каноны. Прекрасный танцор и дирижер на балах, неприменный участник офицерских собраний, остроумный, легкий в общении, интересный собеседник, Петр Николаевич при этом, по словам П. Н. Шатилова, «обыкновенно не воздерживался высказывать откровенно свои мнения», давал «меткие» оценки окружающим его людям, своим однополчанам, из-за чего «уже тогда имел недоброжелателей»**.

В результате стремление отстаивать свое мнение, доказать свою правоту в сочетании со снисходительно-покровительственным отношением к своим сослуживцам сопровождало барона Врангеля на протяжении всей его жизни и службы.

Серьезным и значимым фактором микросреды, повлиявшим на процесс формирования личности генерала, стала учеба Врангеля в академии Генерального штаба (АГШ). Академический период (август 1907 — июнь 1910 г.), на наш взгляд, стал в жизни и деятельности будущего вождя Белого движения своеобразным недостающим звеном, фиксирующим окончательное утверждение Врангеля как личности, военного профессионала высокого класса, имеющего, не без оснований, большие потенциальные возможности своей реализации. Доказательством тому может служить причисление Петра Николаевича к корпусу офицеров Генерального штаба по окончании академии, что означало однозначно успешное завершение обучения⁴.

Исходя из анализа, представляется возможным заключить, что АГШ позволила Врангелю, во-первых, приобрести глубину и масштабность мышления как офицера высокого класса, во-вторых, находясь в среде военной элиты, высшего ее эшелона, он получил реальный шанс соотнести способности и уровень своей подготовки с уровнем товарищей — слушателей, консолидировать имеющийся боевой опыт с теоретической базой и, в-третьих, определить возможные перспективы своего служебного роста.

<...>

Деятельность Русской православной церкви в белом Крыму имела очень большое значение. Заслуга главкома Врангеля здесь очевид-

* Так, в начале XX в. в некоторых дальних гарнизонах приходилось в среднем в год на каждого офицера прочитанных книг: военных — 0,8; общеобразовательных — 0,6; беллетристики — 5,6 (см.: Селезнев А. Любопытная статистика // Разведчик. 1909. № 949. С. 8–9). Эти данные характерны как для армии, так и для гвардии. Существенной разницы в показателях автором не обнаружено.

** См.: Шатилов П. Н. Памяти Генерала Врангеля // Часовой. 1929. № 7–8. С. 6.

на. Один из офицеров вспоминал, что накануне наступления Белой армии 25 мая 1920 года в Северную Таврию «кажется, в первый раз за всю Гражданскую войну полковые священники были на месте: напутствовали части в бой, хоронили убитых и жителям напоминали, что пришло Христолюбивое воинство»*.

Петр Николаевич, как отмечалось выше, не отличался глубокой религиозностью и, по воспоминаниям И. Стенбок-Фермора, «в тесном кругу порой весьма иронично высказывался о некоторых внешних аспектах религиозных нравов»**, однако в то же время, не без основания, он считал необходимым влияние религии на нравственное состояние армии и тыла***. Символично также и то, что епископ Таврический Вениамин⁵, он же управляющий военным и морским духовенством Русской армии, считал Врангеля «центральной личностью, воодушевлявшей Белое движение»****.

* См.: Павлов В. Е. Марковцы в боях и походах за Россию: в 2-х т. Т. 2. Париж, 1964. С. 232–233.

** См.: Росс Н. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982. С. 31.

*** Показательны в данном случае следующие действия Главкома: 31 марта 1920 г. издан приказ о назначении епископа Вениамина управляющим военным и морским духовенством; управление военным и морским духовенством учредило должности 10 штатных «проповедников» в армии; праздник «Воздвижения Честнаго и Животворящаго Креста Господня» (14 сентября) был объявлен Врангелем «днем покаяния», а предшествовавшие дни (12 и 13 сентября) — «днями траура и молитвенной памяти убиенных и в смуте погибших». В эти дни запрещались «всякого рода публичные зрелища и увеселения» (см.: Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. М.: Отчий дом, 1994. С. 229–230).

**** См.: Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. С. 231.